

После второго месяца зимы снова стало теплее. На этот раз погода не стала капризничать: снег, растаяв, превратился в грязь, и каждый выход из дома заканчивался увязшими в грязи ногами.

Через несколько дней талая вода впиталась в землю, поверхность подсохла, а на солнечных склонах начали появляться первые зеленые островки — молодая травка и тонкие побеги дикого лука.

После долгой зимы, проведенной в заточении дома, с приходом первых весенних дней хозяйки, жены и дети всей деревней хватали серпы и отправлялись на горы собирать дикие травы.

У Цюнянь позвала с собой Цин Яня, а также нескольких ровесниц из деревни. Каждая накинула на руку по маленькой корзинке, и они отправились на гору. Услышав шум, сосед Чэнь Юй тоже прихватил корзину и присоединился к ним.

Остальные женщины не знали о незначительных разногласиях между Цин Янем и Чэнь Юем. Все болтали, смеялись и двигались вместе, будто ничего не произошло.

Цин Янь не испытывал никакого негатива. Ему было все равно на Чэнь Юя, лишь бы тот больше не пытался воспользоваться ситуацией или строить нелепые догадки. В его глазах они могли оставаться обычными соседями, которые здороваются при встрече.

Однако Чэнь Юй, похоже, думал иначе. Несколько раз, встретив взгляд Цин Яня, он демонстративно закатывал глаза, вызывая у того одновременно смех и недоумение.

Болтая без устали, все незаметно добрались до места. У Цюнянь, встав на склоне, окинула взглядом окрестности и, вздохнув, сказала:

— Зимой снег выпал обильно, а теперь потеплело раньше, чем обычно. В этом году урожай, скорее всего, будет хорошим.

Она повернулась к стоявшему рядом Цин Яню и заговорила:

— Второй брат отдал десять лучших му земли старшему, а у него самого осталось еще двадцать. Раньше на этих землях ничего не росло, земля была бесплодной. Вот почему второй дядя оставил их пустовать на несколько лет. Но сейчас их, похоже, собираются снова возделывать. Вторая невестка, что ты об этом думаешь?

Цин Янь задумался на некоторое время. С приходом тепла он действительно размышлял об этом. Земля, хоть и неблагоприятная, но оставлять ее пустовать было жаль. Он хотел бы начать ее возделывать, но это потребовало бы немалых усилий: трудозатраты, вложения — все это обещало быть значительным.

В последнее время в семье накопились сбережения, денег было достаточно. Однако Цю Хэняня, который мог бы помочь, удавалось оторвать от кузницы только в ее менее занятые периоды. Сам Цин Янь был готов немного поработать, но прекрасно осознавал свои физические возможности: даже вдвоем они с трудом бы справились.

Он поделился своими мыслями с У Цюнянь. Та, ожидая подобного ответа от человека книжного, который не привык к тяжелому труду, не удивилась и уверенно заявила:

— Это не проблема. Саньба тоже только на осеннюю жатву пару дней приходит помогать. В остальное время я справляюсь сама. Если времени не будет, можно нанять работников. У них опыт есть, все знают, как правильно. Ты только организуй им еду и питье, а к сроку расплатишься с ними.

Глаза Цин Яня загорелись.

— Это отличная идея!

У Цюнянь улыбнулась:

— Не переживай, я займусь этим. Через несколько дней пойду искать подходящих людей.

Цин Янь поблагодарил ее.

Тем временем все рассредоточились по склону, занявшись сбором диких трав. Ветер был прохладный, но в движении холод не ощущался. Молодые женщины щебетали, болтали без остановки, но это совсем не мешало их ловким рукам, которые быстро наполняли корзины свежей зеленью.

Сначала Цин Янь двигался медленно: он еще плохо разбирался в дикорастущих травах. Но благодаря помощи У Цюнянь, которая некоторое время показывала ему, что и как собирать, он быстро освоился, и его корзина стала наполняться все быстрее.

Солнце грело, воздух был прозрачен, легкий ветерок ласково касался лица. Вокруг звучал смех: женщины делились историями о глупостях, которые совершали их мужья. От рассказов громко хохотали, и Цин Янь тоже не мог удержаться, весело смеясь вместе с ними.

Разговоры постепенно переходили на более пикантные темы. Одна из женщин, смеясь, сказала:

— Не знаю, как у вас, а мой-то в этом деле — просто неугомон! Работу закончит, домой придет — не до ужина ему, сразу меня на лежанку тащит. Каждый день, будто я его неделю голодом морила!

Другая поддержала:

— В таком возрасте все мужики такие. Чуть свободное время появится, сразу об этом думают!

Кто-то подтолкнул плечом Чэнь Юя, весело подмигнув:

— А что насчет господина Чжана? Он ведь у нас ученый, всегда такой воспитанный, деликатный. Наверняка дома не такой?

Чэнь Юй усмехнулся, бросив на Цин Яня взгляд, полный показного равнодушия, и криво улыбнулся:

— А чем он лучше? Заходит в дом, срывает халат, прижимает меня и не отпускает. Все одно и то же!

- Ц-ц-ц! — кругом раздались вздохи, и вся компания взорвалась хохотом, щеки у всех залились краской.

Цин Янь опустил голову, чувствуя, как легкий румянец растекается от щек до самых ушей. В его памяти всплыли слова Цю Хэнянь, сказанные когда-то с таким спокойным выражением: «Я думаю об этом каждую ночь». Только одно воспоминание заставило сердце Цин Яня забиться быстрее, а лицо вновь залилось краской.

«Ну какой мужчина в таком возрасте может не думать о плотских радостях?» — подумал он. Цю Хэнянь, с его сдержанным нравом и шрамом на лице, редко открыто проявлял свои чувства. Но Цин Янь знал: пока он сам жаждал близости, Цю Хэнянь тоже тосковал по нему. Это осознание наполнило его душу теплом и облегчением: оказывается, его чувства не были односторонними.

После сбора трав Цин Янь немного отдохнул, а затем взялся за приготовление ужина. Он поставил большую кастрюлю с костями и квашеной капустой на огонь, а сам занялся сортировкой собранных трав.

Свежий дикий лук с его насыщенным ароматом он тщательно промыл, нарезал на кусочки и обжарил с яйцами. Блюдо получилось особенно нежным и вкусным, а заодно и полезным для желудка и селезенки.

Другая трава, которую они собрали, называлась Куцай. Сейчас, пока она только начинала прорастать, была самая пора ее есть: позже она станет слишком горькой. Он обдал ее кипятком, чтобы смягчить вкус, и приготовил два варианта: холодную закуску и блюдо с соусом.

Как раз два дня назад тетюшка Ли дала ему бочонок домашней пасты. Он обжарил сухие перцы

в масле до появления аромата, добавил немного воды в пасту и, как только она закипела, вылил все это в масло с перцем. Затем поставил на медленный огонь и томил, пока паста не изменила цвет.

В грубой керамической чашке на поверхности пасты плавал слой красного масла, а хрустящие, ароматные обжаренные семена перца придавали блюду восхитительный вкус — острый и насыщенный.

К этому времени большие кости в супе уже разварились до такой мягкости, что мясо само отходило от них. Даже костный мозг начал вытекать, а белоснежный бульон, стоило лишь попробовать его, излучал богатство вкусов: аромат мяса, кислинку квашеной капусты — просто невероятно вкусно.

За ужином они вдвоем съели немало.

После ужина Цин Янь обсудил с Цю Хэнянем возможность привести в порядок двадцать му пустоющей земли и посадить там что-нибудь. Тот согласился, и дело было решено.

Когда погасили свет, вспоминая дневные разговоры молодых жен, Цин Янь почувствовал беспокойство. Несколько раз он порывался повернуться к Цю Хэняню, но, вспомнив о лечении и боясь случайно усугубить его состояние, удержался от этих мыслей. Пришлось отказаться.

Прошло еще три-четыре дня. Как-то глубокой ночью Цин Яня разбудил низкий, раскатистый звук, напоминающий глухой гром. Он ощутил, как кровать слегка покачивается, и, решив, что это землетрясение, испуганно сел.

Теплая, сильная рука мягко коснулась его затылка, успокаивая и побуждая лечь обратно.

— Не бойся, это река вскрывается, — голос только что проснувшегося Цю Хэняня звучал немного хрипло.

Цин Янь снова опустил голову на подушку. Сползшее одеяло было бережно поднято и тщательно заправлено под его подбородок, оставляя на виду только лицо.

С закрытыми глазами, все еще находясь на грани сна, он пробормотал:

— Что значит «река вскрывается»?

Мужчина, подложив одну руку под голову, лежал на боку и легонько похлопывал его по спине:

— Ледяная корка на поверхности реки тает.

Цин Янь промычал что-то в ответ, трудно сказать, понял ли он ответ, и снова начал погружаться в сон. Но прежде чем окончательно уснуть, он словно во сне пробормотал:

— Я хочу тебя поцеловать.

Мужчина с улыбкой ответил:

- Хорошо.

Он наклонился и едва коснулся его губ. Лишь тогда Цин Янь уснул крепким сном.

На следующее утро, во время завтрака, снаружи раздался громкий стук в дверь. Это был Лю Фа, который звал их на реку.

Быстро доев, Цю Хэнянь достал из шкафа меховую жилетку и надел ее на Цин Яня.

- Лед уже тает, ветер с реки холодный. Надо теплее одеться, - сказал он.

- А ты? - спросил Цин Янь.

Цю Хэнянь лишь усмехнулся:

- Мне не нужно.

Когда они прибыли к месту, Цин Янь понял, почему он так сказал.

Всю зиму вокруг этой большой реки почти не было ни души. Но прошлой ночью лед на реке треснул, и массивные серебристо-белые льдины, отколовшись, поплыли вниз по течению, сталкиваясь друг с другом и издавая громкие, сухие звуки.

Свежая талая вода реки, струящаяся между льдинами, казалась угольно-черной и загадочно блестя.

Все, у кого в деревне было свободное время, собрались здесь, а с ними и жители соседних деревень. Лю Фа позвал нескольких знакомых, с которыми обычно играл, и Цю Хэняня тоже. Все вместе, облачившись в высокие сапоги, они зашли в мелководье и развернули большую сеть, чтобы выловить рыбу.

На берегу царило такое же оживление. Жена Лю Фа суетилась, разгружая вещи из телеги, а каждая семья принесла свои кастрюли и миски для рыбы.

Цин Янь тоже не сидел без дела и помогал остальным.

Только они успели разложить вещи, как вдруг раздался крик Лю Фа. Несколько мужчин дружно вытащили большую сеть, резко выбросив ее на берег. Громкий плеск разнесся вокруг, и сеть развернулась, из нее вывалились рыбы — большие и маленькие, они отчаянно трепыхались на земле.

Цин Янь вместе с другими торопливо сортировал рыбу, раскладывая ее по категориям в емкости, заливая водой, чтобы не дать ей погибнуть. Несколько таких циклов — и он заметил, что на лбу Цю Хэняня выступила легкая испарина, а изо рта при каждом выдохе выбивались белесые клубы пара.

В этот момент Цю Хэнянь тоже посмотрел на него и махнул рукой. Цин Янь бросился к нему, забрал снятый верхний халат и, собираясь уже повернуться, чтобы уйти, почувствовал в ладони что-то маленькое. Оказалось, это был аккуратно завернутый бумажный пакетик. Положив халат на чистое место в повозке, он открыл сверток и увидел внутри две конфеты.

Работа кипела вовсю, как вдруг раздался громкий звук, словно что-то разбилось, а следом послышались грубые мужские ругательства.

Цин Янь повернул голову в ту сторону и увидел, как Ван Хэяо бранит худощавого, пожилого гера. Очевидно, тот только что упал, разбив глиняный кувшин, из которого рыба высыпалась на землю. Его одежда промокла, но, не обращая внимания на себя, он торопливо вытер лицо рукавом, поднялся и, взяв пустой сосуд, начал переливать в него воду и собирать рыбу обратно. Если рыба умрет, она потеряет в цене.

Цин Янь хотел было помочь, но чья-то рука удержала его за локоть. Обернувшись, он увидел жену Лю Аня, которая покачала головой.

Гер быстро справился, собрав рыбу, и, словно ничего не произошло, продолжил работать. Люди вокруг лишь мельком взглянули на случившееся и вернулись к своим делам. Этот небольшой эпизод быстро забылся.

Когда рыбы наловили достаточно, все вместе погрузили сосуды и кувшины с рыбой на телеги, закрепили их и повезли к рынку, который находился в пяти-шести ли от берега реки.

На рынке в этот день было непривычно многолюдно: большинство людей пришли за первой рыбой сезона, пойманной после вскрытия реки.

Просидев под ледяным покровом всю зиму, рыба теряет жир, освобождается от накопленных

отходов и становится особенно вкусной. Даже обычный карп, карась или белый амур в этот период обладают необычайным вкусом.

А такие рыбы, как змееголов или желтый сом, с меньшим количеством костей и более нежным мясом, стоили дороже в любое время, но именно сейчас их мясо считалось деликатесом.

Мужчины, уставшие от рыбалки и погрузки, оставили торговлю женщинам и герам, а сами расположились позади лавок. Они щурились на солнце, отдыхая, курили трубки и наблюдали, как их жены продают рыбу.

Цю Хэнянь, который не курил, просто прислонился к стене. Кто-то рядом пытался завести с ним разговор, и он изредка отвечал короткими фразами. Хоть он и был немногословен, люди знали, что он щедрый и честный человек, поэтому Лю Ань и остальные охотно звали его за компанию.

Но в тот момент мысли Цю Хэняня были далеко.

Недалеко от него, в толпе покупателей, суеился Цин Янь — светлокотий красавец, укутанный в слои одежды, как шарик. Его щеки порозовели от холода, а движения были ловкими и быстрыми. Он успевал и торговаться с клиентами, и взвешивать рыбу, и упаковывать покупки. Когда покупателей не было, он топтался на месте, чтобы согреться, потирая замерзшие руки, или шутил с соседними женщинами, время от времени заливаясь смехом.

Покупатели часто задерживали взгляд на Цин Яне: он был приятен глазу и всегда улыбался приветливо и искренне.

Солнечные лучи были теплыми, и Цю Хэнянь, прищурившись, наблюдал, как Цин Янь потирает руки и оборачивается в его сторону. Их взгляды встретились, и Цин Янь подарил ему лучезарную улыбку. Затем снова появились покупатели, и он вернулся к работе.

Цю Хэнянь опустил голову, его губы слегка дрогнули в слабой улыбке.

<http://bllate.org/book/13590/1205188>